

РОМАН ВИЛИГУТ

КОГДА НЕ ВОСХОДИТ
СОЛНЦЕ

Роман Вилигут

Когда не восходит солнце

«Автор»

2021

Вилигут Р.

Когда не восходит солнце / Р. Вилигут — «Автор», 2021

Как гласит старинная легенда, в IX веке в Перуновом урочище вблизи маленького городка на русском севере было языческое капище. седобородые волхвы молились там славянскому богу грома. По слухам, волхвы охраняли клад — золотые римские сестерции, числом ровно тысяча. длинный кровавый след тянулся за этим золотом. Варвары вывезли его из римской империи, и с тех пор переходило оно из рук в руки, а все владельцы клада умирали ранней и мучительной смертью. Но откуда знать об этом столичному тусовщику Артему, который прожигает жизнь по московским клубам? Впрочем, узнать придется. В какой-то момент времени парню начинают видеться окровавленные мужи в старинных доспехах, горшки с золотыми монетами и могучий дуб, на ветвях которого распят вниз головой седоволосый старец...

© Вилигут Р., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	19
Глава четвертая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Роман Вилигут

Когда не восходит солнце

Пролог

РЕЗНЫЕ ворота с изображением символов плодородия с треском сорвались с петель и рухнули к ногам верховной жрицы. Женщина отступила в глубину святилища, под защиту исполинской статуи Бога богов. Бросив тяжелый таран, варвары с победным воплем ворвались в храм. В волосатых ручищах они держали факелы и теперь поводили ими из стороны в сторону, тщетно пытаясь рассеять чадающим пламенем тьму, скопившуюся под куполом, который, казалось, соперничал с небесами. Вандалам не терпелось приступить к разграблению святилища, о несметных сокровищах которого они грезили во время долгого кровавого пути, сидя у костров на становищах и вглядываясь в ночные звезды.

И вот, когда настал желанный миг, они растерялись. С невыносимой высоты, из-под самого

купола, на них грозно взирал главный идол этой страны, сжимающий в громадной руке пучок молний. Замешательством грабителей немедленно воспользовалась могучая Порция — личная телохранительница верховной жрицы. Она выскользнула из темноты и, размахнувшись тяжелым молотом, одним движением раскроила череп предводителя, защищенный лишь кожаным колпаком. Вандал без стога рухнул к ее ногам. Порция размахнулась снова и раздробила грудь другому варвару, который едва успел поднять свой кривой меч.

Остальные грабители наконец опомнились и нестройной гурьбой ринулись на девушку в белой хламиде весталки. Порцию не смутил их натиск. Бронзовый молот в ее руках со свистом рассекал воздух, с неприятным хрустом сокрушая черепа и дробя кости. Совсем недавно опрокинувшие могучую, хорошо обученную армию Вечного Города, вандалы привыкли к тому, что почти не встречают сопротивления, и теперь дрогнули и отступили перед бешеной атакой бесстрашной воительницы. Порция, ступая прямо по телам поверженных врагов, вытеснила уцелевших святотатцев из-под священных сводов. Успех окрылил ее.

Громко распевая гимны Богу богов, телохранительница ступила на плиты городской площади, заваленной трупами горожан. Верховная жрица пыталась окликнуть девушку, но ее ослабевший голос не мог перекрыть вой пламени, пожирающего дома, крики опьяненных вином и кровью победителей и хриплые стоны умирающих побежденных. В Вечном Городе царил хаос, и черные крылья Бога смерти мелькали в дыму пожаров. Воодушевленная победой Порция продолжала преследовать нападавших и не заметила, как позади нее появился всадник. Он взметнул аркан, и жесткая петля, сплетенная из конского волоса, захлестнула шею телохранительницы.

Рослая мускулистая весталка произвольно шагнула вперед и выдернула легкого всадника из седла. Вандал испуганно заверещал, ему на выручку ринулись другие воины. Теперь их было слишком много. Они облепили телохранительницу верховной жрицы, как собаки медведя. Порция тяжело ворочалась под грудой врагов. Всесокрушающий молот был вырван из ее руки, но девушка продолжала орудовать крепкими кулаками. Мелькнул один кривой клинок, второй, третий. Варвары со звериной яростью кромсали тело весталки на куски, куда от нее не осталась

лишь кучка окровавленного мяса. Из темноты храма верховная жрица видела ужасную гибель своей воспитанницы, и в ее сухих старческих глазах закипели слезы.

Насладившись местью, вандалы вернулись к святилищу. Теперь они ступали осторожно — а вдруг внутри окажутся и другие, столь же свирепые девы? Им и невдомек было, что осталь-

ные весталки уже приняли яд, и теперь их хладные тела, завернутые в погребальные пелена, лежат в подземном склепе. Никого, кроме верховной жрицы, не осталось под сводами святилища. Предводитель грабителей подступил к ней. С его меча стекали капли дымящейся крови. Верховная весталка тяжело опустилась на сундук, который она заслоняла своим высохшим телом.

— Эй, кто-нибудь хочет ее? — глумливо осведомился вожак.

— Зачем?! — откликнулся один из грабителей. — В городе полно сочных кобылиц... Лучше глянь, что у нее под тощей задницей?

Предводитель легко, как перышко, отшвырнул старуху и разрубил крышку сундука.

— Факел! — велел он. Пламя заиграло на золотых кружочках, на которых было отчеканено изображение кулака с пучком молний. Верховная жрица горделиво выпрямилась, тихим голосом отчетливо произнесла:

— Да падет проклятие на всякого, кто коснется нечистой рукой сих ауреусов¹, посвященных...

Вожак нетерпеливо отмахнулся акинаком. Верховная жрица рухнула, как подкошенная, на сундук, и кровь ее окропила золотые монеты.

—...Богу богов, — прошептали старческие губы, прежде чем смолкнуть навсегда.

— Че это он там бормочет? — спросил санитар, отшвыривая окурок в дождящую мглу. Фельдшер наклонился над молодым человеком, лежащим на носилках, прислушался.

— Deus deorum...² — едва слышно пролепетал тот.

— Черт его разберет, — озадаченно проговорил фельдшер. — Латынь какая-то...

— Доширялся, придурок, — брезгливо бросил санитар. — Ну, че? Куда его? В дурку?

— Нет, в «Журавлики», — откликнулся фельдшер. — На перевоспитание...

1 Древнеримская золотая монета достоинством примерно в сто серебряных сестерциев.

2 Богу богов (лат.)

Глава первая

ТЫСЯЧУ ЛЕТ НАЗАД через Старопогостье пролегал легендарный путь из варяг в греки. Одолев леса и болота, миновав переправы, волоки и гати, сходились сюда торговые караваны. И прежде чем продолжить путь, гости спешили обменяться новостями, нанять охрану и распродать лежалый товар. Многоязыкий говор стоял над табором. Высились островерхие конусы восточных шатров, верблюды надменно взирали на лошадей, над походными котлами курились неслыханные в здешних краях ароматы. Брякали уздечки. Скрипели подпруги. Кольчуги поблескивали под купеческими кафтанами. Наемники зубоскалили над прелестями рабынь, швыряя им медные гроши, как бросают хлебные крошки, подманивая птиц. Монеты клонили к земле жилистые шеи рабынь. Княжеский тиун в крас

ных сапожках присматривался к прямым ромейским мечам и тяжелым варяжским секирам, меняя приглянувшийся товар на соболей и куниц. Тонкие вина франков и хмельные мёды росичей плескались в ковшах и кубках. Подрумянивались туши кабанов на вертелах. И так повторялось из года в год, из века в век.

Но постепенно жизнь менялась. Караваны находили иные пути. Княжки усобицы сделали здешние тропы небезопасными. Реки обмелели, гати разрушились, струги сгнили. Городище, что выросло на перекрестке дорог и прежде именуемое Погостьем, стало называться Старым Погостьем, а после и это название сократилось до одного слова. Торговлишка захирела, лабазы и амбары опустели. Бури большого мира время от времени еще налетали на Старопогостье. Горожане старались укрыться от них за деревянным тыном, а когда не получалось — выходили навстречу врагам с дубьем и дрекольем. И так продолжалось из столетие в столетие. Покуражились над здешними обывателями опричники. Пронеслись сабельным вихрем польские крылатые гусары. Отгремели барабаны Северной войны. Фуражиры Великой армии Наполеона полегли под топорами и фузеями партизан под предводительством купеческой вдовы Авдотьи

Самохиной. Красные расстреливали в Перуновом урочище контрреволюционеров. Интервенты в плоских касках-тазиках топили в ленивых струях реки Гостки пленных большевиков.

Стрелковая рота, которую сформировали из здешних мобилизованных для отправки на фронт, ценою собственных жизней остановила на ближних подступах к Старопогостью невесть откуда взявшийся танковый батальон фрицев. И этот подвиг, напрочь отодвинутый в дальние уголки человеческой памяти большими и малыми сражениями Великой Отечественной, стал последним событием, связывающим городок с потрясениями большого мира. Ни смерть Сталина, ни исторический старт Юрия Гагарина, ни застой, ни перестроечные митинги, ни развал Союза не взволновали старопогостцев настолько, чтобы они перестали думать о ценах, пенсиях, пьяных скандалах, подступающей безработице и нищете. Впервые избранный еще при Ельцине, мэр города Никифор Никифорович Княжич правил Старопогостьем как собственной вотчиной. Он устоял, несмотря на нападки местной прогрессивной прессы и регулярные проверки областной прокуратуры. И намеревался устоять и впредь. У него были большие планы на будущее.

Ничего этого не знал Артем Евсюков двадцати двух лет от роду, когда скользнул унылым взглядом по забрызганному грязью дорожному указателю, где белым по синему было написано СТАРОПОГОСТЬЕ 10 КМ. Сразу за указателем начиналось кладбище, которое тянулось до самых городских окраин. Микроавтобус с логотипом лечебно-реабилитационного центра «Белые журавли», ловко лавируя между кое-как заштопанными выбоинами в асфальте, выкатился на площадь перед автовокзалом и затормозил. С сиденья, что было рядом с водителем

ским, поднялась куратор группы Маргарита Ивашова, которую все называли Марго. Внимательно оглядев приунывших подопечных, она объявила:

— Так, сейчас все выходим и идем в столовую. Учтите, это единственный раз, когда мы пользуемся здесь услугами общепита. В дальнейшем готовить будем сами.

Она кивнула водителю, и тот разблокировал сдвижную дверь. Артем с трудом разогнул затекшие ноги. За время почти пятисоткилометрового пути от Москвы микроавтобус останавливался всего несколько раз. Пассажиры выходили справить неотложную нужду, а питались на ходу, всухомятку. Железная Марго спешила добраться до Старопогостя — северное лето короткое, до

ждливое. Раскопки нужно было завершить до начала августа. «К Ильину дню», — как выразился начитанный Эрик Сурцев, сын министра столичного правительства. «Ко Дню десантника», — уточнил генеральский сынок Паша Головкин. А Светка Серебрякова, чья мамаша владела сетью салонов красоты в Питере, лишь брезгливо поморщилась.

Спрыгнув с подножки, Артем с тоскою осмотрелся. Примерно так он это себе и представлял. Несмотря на почти тысячелетнюю историю, Старопогостье выглядело как обыкновенный захолустный райцентр. Никаких архитектурных шедевров и исторических памятников, за исключением Предтеченской церкви первой половины XIX века и возведенного в стиле русский модерн особняка купца Лабазникова, который сейчас занимал городской музей. Площадь возле автовокзала с трех сторон окружали серые пятиэтажки, которые выглядели так, словно время в городе замерло с восьмидесятых годов прошлого века. И если уж здешняя столовая с тех пор не меняла меню и уровень обслуживания, оставалось только порадоваться, что сегодня пациенты «Журавликов» пользуются услугами городского общепита в первый и последний раз.

Вопреки опасениям столовая оказалась вполне приличной — чисто, просторно. Пластиковые

подносы легко скользили по никелированным направляющим. В тарелки наливали и накладывали щедро, а цены по меркам столичных жителей были попросту смехотворными. Артем неожиданно для себя почувствовал, что зверски проголодался. А потому взял салат оливье, борщ, плов, пару пирожков с мясом и два стакана компота. Он хотел поесть в одиночестве, но ему помахала из-за своего столика Алиса Авакян, которая обедала в компании своего угрюмого брата Артура. Отпрыски известного в Москве ресторатора были самыми давними клиентами «Белых журавлей», своего рода ветеранами, и потому благоволили новичкам.

Немного поколебавшись, Артем все же присоединился к ним. Брат и сестра Авакяны были предпочтительнее остальных. Они никогда ни на что не жаловались, не кичились заработками своего папаша, не любили вспоминать о «славных денечках», когда оба были лихими московскими стритрейсерами и по обкурке спровоцировали аварию, в которой погибли люди. Артему казалось, что его сотрапезники глубоко раскаиваются в содеянном, хотя ресторанному магнату и удалось их отмазать от реального тюремного срока. За самим Артемом, слава богу, ничего такого не числилось, но в нем тоже посте

пенно зрело отвращение к тому образу жизни, который он вел до того дня, когда передоз едва не лишил его жизни и остатков рассудка.

Обедали молча, да и времени на болтовню не оставалось. Едва Артем успел проглотить компот, как из-за своего стола поднялась Марго и зычным голосом, благодаря которому ее за глаза называли «мать-командирша», скомандовала:

— Все, ребята, заканчивайте! Пора! Сопровождаемые любопытствующими взглядами немногочисленных местных посетителей столовой, подопечные «матери-командирши» почти по-солдатски дружно поднялись и направились к выходу. Вновь оказавшись на улице, Артем ощутил прилив бодрости — утренние тучи вдруг разошлись, выглянуло солнце и провинциальный город показался ему не таким уж и серым. Зеленели тополя. Из-за низких деревянных

заборчиков, выкрашенных белилами, выглядывали пестренькие бутончики высаженных жителями пятиэтажек цветов. Артем вдохнул полной грудью воздух, который пах речной свежестью, скошенной травой и был так не похож на тот, каким дышали жители столичного мегаполиса. Все-таки что-то особенное было в этом городишке...

Вновь погрузились в микроавтобус. На этот раз путь был недолгим. Выкатив на центральную

улицу Ленина, водитель прибавил скорости — благо никаких пробок. Пятиэтажные дома, здание мэрии, отделение банка, немногочисленные кафе и магазины промелькнули словно мираж, уступив улицу куда более основательным постройкам — частным домам с коньками на крышах, резными наличниками и палисадниками, и город стал выглядеть так, как выглядел и сто, и двести, и триста лет назад, и будет, наверное, выглядеть так же еще два-три столетия. Колеса прогребели по деревянному настилу моста через глубокий овраг, который рассекал северозападную окраину Старопогостья и скатывался к реке.

За мостом свернули на проселок. Здесь скорость пришлось снизить. Качаясь на ухабах, микроавтобус «Журавликов» не подъехал даже, а подплыл к полузасыпанной, оплывшей линии рубежа обороны, а говоря проще — окопов, наспех отрытых в августе тысяча девятьсот сорок первого года пехотинцами отдельной стрелковой роты и местными жителями, которые пришли красноармейцам на помощь. Здесь они и остановили немецкие танки, которые успели прорваться к Старопогостью до того, как саперы подорвали единственный мост через Гостку, по которому могла пройти тяжелая техника. Тогда здесь было

не по-северному жарко, и в небе то и дело зависали «штукасы», прицельно и не очень бросая бомбы, которые взрывались не только в окопах, но и на огородах, дворах и улицах древнего городка.

Сейчас здесь было прохладно и тихо. В небе плыли белые с серой опушкой облака, а под облаками парили на распластанных крыльях коршуны, высматривающие добычу в окрестных полях. Микроавтобус остановился. Его пассажиры сами, без команды начали выгружать рюкзаки, палатки, запасы воды, продовольствия и прочее снаряжение. Навстречу им спешил высокий широкоплечий парень в камуфляже — это был Марк Антонов, командир местного отряда поисковиков. С Марго, которую он знал не первый год, Марк поздоровался за руку, вскользь окинув оценивающим взглядом остальных вновь прибывших. Принимать в свою команду подопечных лечебно-реабилитационного центра «Белые журавли» ему было не впервой.

— Ну что, как контингент? — вполголоса осведомился он.

Марго пожалала плечами. — Ничего... смирные, — сказала она и добавила: — Осознанные и замотивированные... Других я бы тебе не привезла...

— Знаю, — откликнулся Марк. — Ладно, кликну своих, пусть подсобят лагерь разбить...

Он помахал ребятам и девочкам, которые ковырялись в раскопе, те бросили работу, подошли к приезжим, поздоровались и принялись помогать. Не прошло и полчаса, как были поставлены палатки и размещено снаряжение. Толку от подопечных Марго было мало. Они тыкались тудасюда, словно слепые щенки, путались в растяжках палаток, не умея как следует ни натянуть, ни привязать к колышкам. Соратники Марка терпеливо исправляли все промахи и недочеты новых товарищей, ненавязчиво с улыбкой показывали как надо. Были ли они предварительно проинструктированы командиром или ими двигало братское чувство, присущее всем поисковикам, но как бы там ни было лагерь получился на загляденье. Палатки стояли ровно, дождевые тенты были туго натянуты.

Оглядев его, Марк довольно хмыкнул и скомандовал построение. Поисковики выстроились с привычной быстротой и ловкостью. Вновь прибывшие — бестолково, путаясь, кто за кем должен стоять. Когда объединенный отряд, наконец, построился, Марго достала из своего рюкзака небольшой сверток. Развернув его, извлекла голубое полотнище с вышитыми на нем по диагонали

белыми птицами. Торжественно чеканя шаг, подошла к флагштоку, на котором уже трепетало знамя поискового отряда — красное с изображением ордена Победы. Марк помог девушке привязать флаг «Белых журавлей» к подъемному шнуру. Глядя на это, Артем усмехнулся — в войнушку играют, гробокопатели... детский сад, блин...

— Отря-я-ад, смирно! — с растяжкой скомандовал Марк. — На знамя поисковой группы «Белые журавли» ра-авняйся!

Командир отряда взял под козырек кепи и повернулся к флагштоку. Марго потянула за шнур — и голубое полотнище с белыми птицами взмыло к небу. Артем невольно проследил за ним взглядом. Вопреки скептическому настрою он вдруг почувствовал, как к горлу подкатил ком, и немедленно на себя разозлился. Ну согласился на эту поездку, ладно. Отец пригрозил, если он полностью от тяги к дури не избавится, выставить взашей и ни копейки не дать. Куда он пойдет без жилья и двумя курсами «вышки»? Пиццу разносить?.. Ну, решил потерпеть, поковыряться с месячок в грязи, извлекая из нее всякую гниль. С него не убудет. Зато потом отмоется в теплых водах Адриатического моря. Но ведь он не обязан в этих детсадовских играх участвовать? А даже если и обязан — чего сопли-то распускать?

После церемонии Марк проинструктировал вновь прибывших и объяснил им, как он выразился, «боевую задачу» на сегодняшний день. Подопечные «Журавликов» приуныли. Они думали, что в первый день им дадут отдохнуть, но командир поисковиков придерживался иного мнения. Он то и дело посматривал на небо, опасаясь, что вот-вот зарядят дожди. А чего хорошего, если приходится копать под дождем?.. Артему, правда, в грязи ковыряться не пришлось. Его прикомандировали к кухне. Светка и Алиса под руководством Марго должны были кашеварить, а он — колоть дрова, носить воду и быть на подхвате. Работа выглядела не пыльной, что на время примирило Артема с действительностью. Правда, пришлось вникать в некоторые тонкости. Оказалось, что воду для хозяйственных нужд нужно таскать с реки, а для готовки — доставать из ближайшего колодца, до которого было около километра.

Подхватив два эмалированных ведра с крышками, Артем отправился на поиски колодца. Марк указал ему общее направление — красную железную кровлю, которая едва виднелась вдаль за оврагом. Артем решил спрямить путь до моста, чтобы не делать крюк по проселку. По траве в кроссовках шагалось легко. Погромыхивали

в такт ходьбе крышки. Из-под ног вспархивали бабочки и стрекозы, срывались парашютики семян одуванчика. Странно, но Артем ощутил вдруг давно забытую легкость. Он уже не думал о том, что ему придется целый месяц копаться в раскисшем суглинке, что он, как последний лох, тащится куда-то с этими дурацкими ведрами, чтобы потом переть их обратно, но уже полные. Он словно вернулся в детство, в тот дачный поселок, где летом жил с бабушкой и бегал по утренней зорьке на рыбалку.

Стеклянные башни огромного города, озаренные немеркнущими огнями, разноцветные жуки автомобилей, плотными рядами ползущие по серым стеблям автострад, спруты ночных заведений, дымными щупальцами обвивающие бледных призраков — своих завсегдатаев, впрыскивающие в них сладкий яд, который убивал разум и оглушал душу — все это стало казаться нереальным, словно наваждение, мираж, фатаморгана. Настоящая жизнь была здесь, медленная и величавая, текущая из прошлого в будущее, почти неизменная, как воды древнего потока. Этот сонный городок возник еще в те времена, когда по берегам Москвы-реки курились дымки над землянками рыболовов и охотников, и как знать, может будет стоять и тогда, когда от столь

ного града останется лишь воспоминание, неприятное как дурной сон.

Артем, охваченный необыкновенным чувством сопричастности к чему-то подлинному живому, почти с благоговением вступил на старый скрипучий мост, словно мог по нему перейти в другую реальность. Из оврага тянуло прохладой, и он казался бездонным. Хотелось спуститься туда, окунуться в зеленую полумглу и раствориться в ней навсегда, сделаться частью

этой простой и загадочной жизни, но он напомнил себе, что на походной кухне поискового лагеря его ждут с питьевой водой. И это было удивительно — отвечать за порученное дело. Никто и никогда не поручал ему ничего серьезного, от чего нельзя было отмахнуться или перевернуть кому-нибудь другому. Да и никто от него ничего никогда и не ждал.

Впрочем, благодушное настроение покинуло Артема так же внезапно, как и нахлынуло. Оказавшись на окраине городка, он понял, что не спросил у Марка адрес дома, где был колодец, а красную крышу можно было разглядеть только издали и уж никак не среди зеленой гущи частных садов. Но ведь этот самозванный командир мог бы и сам догадаться! А может, он специально не сказал? Перевоспитывает... Да кто

ему дал такое право?! Привычное раздражение, замешанное на ненависти ко всему, что считается приличным и правильным, охватило Артема. Ему захотелось зашвырнуть эти идиотские ведра куда подальше и не возвращаться в лагерь. Кое-какие деньги у него с собой были. Хватит, чтобы добраться до Москвы, а там будь что будет... Не позволит он больше собой командовать...

Он и сам не знал, почему не осуществил свое намерение. Прошла минута, другая, а он попрежнему загребал старыми кроссовками уличную пыль, дужки раскачивающихся ведер все так же поскрипывали в его руках, а глаза машинально высматривали треклятую железную крышу. Вопреки опасениям, нужный дом Артем нашел довольно быстро, тот словно сам вывернулся ему навстречу из проулка. Правда, двор скрывался за высоким глухим забором, а калитка, врезанная в массивные ворота, казалась надежно запертой. Несколько мгновений Артем нерешительно топтался возле нее, а потом, буркнув «какого черта», нажал на железную ручку. Калитка неожиданно легко открылась вовнутрь. Горе-водонос воровато огляделся, словно боялся, что его кто-то окликнет, и вошел во двор.

Во дворе дома под красной крышей царил сумрак — крона громадного тополя заслоняла солнце. Между стволом исполинского дерева и высоким крыльцом темнел колодезный сруб, накрытый деревянной крышкой. Артему никогда не приходилось набирать воду из колодца, но по фильмам он знал, что нужно крутить деревянный ворот, к которому привязана цепь с бадьей. И ворот, и цепь, и бадья — все это имелось в наличии. Артем осторожно, почти на цыпочках подобрался к колодцу и двумя руками снял тяжелую крышку. Из темного зева дохнуло ледяной сыростью. Наклонившись, Артем заглянул внутрь. Далеко внизу, в колеблющемся отблеске он разглядел смутное отражение. Это было так странно и необычно, словномотришь в телескоп на далекую звезду.

— Эй! — послышался звонкий детский голос. — Ты кто?

Он оглянулся. На крыльце стояла девочка лет десяти, в коротком, синем в белый горошек ситцевом платье и серых сандаликах на босу ногу. Неряшливо, но туго сплетенные белесые косички торчали под разными углами. В руке девочка держала страховидную куклу. С минуту-другую они с Артемом смотрели друг на друга в полном молчании. Сухо, будто сделанные из бумаги, шелестели листья тополя над головой. Зловеще скрипела колодезная цепь. Артему стало

не по себе, словно он попал в японский фильм ужасов. Парень невольно отшатнулся от колодца, на мгновение представив, как из ледяного зева появляется бледная рука с длинными черными ногтями. Наконец, девочка звонко рассмеялась, и неприятное наваждение развеялось.

— А-а, так ты новенький! — воскликнула она. — Из отряда нашего Марика!

— Я не знаю, вашего или нет, — пробурчал Артем. — Мне воды надо набрать...

Пока он возился с тяжелой бадьей и с рукоятью ворота, которая при подъеме то и дело норовила вывернуться из руки, девочка рассказала, что зовут ее Нюркой, что ей скоро стукнет одиннадцать, что она перешла в пятый класс, что ее брат самый главный в отряде, что он нашел много погибших солдат, что их очень жалко и что она всегда плачет, когда Марик

рассказывает о них. А еще он обещал, что когда она вырастет, то обязательно возьмет ее на раскопки. И она найдет всех-всех и поставит им большущий памятник. Выше дома! И пока она щебетала, Артем кое-как наполнил оба ведра.

Глава вторая

СЕРЕЖКА МИНСКИЙ, один из бойцов поискового отряда Марка Антонова, поведал Артему, что им, считай, повезло. Копать на косогоре, где относительно сухая почва — глинозём пополам с песком — это работа не бей лежачего. В прошлом году, например, они вели поиск в Елоховом болоте, где поднимали обломки истребителя «И-16», сбитого в сорок первом. Вот это была жуть! По пояс в вонючей жиже, когда от холода не спасает даже водонепроницаемый комбез, надетый поверх обычной камуфли. Вытаскиваешь ком грязи, в котором есть что-то твердое, вываливаешь в лоток и промываешь. И не знаешь, что обнаружишь: пулеметный патрон, кольцо от парашюта или обыкновенную каменюку. И ничего, сплюнешь сквозь стучащие зубы и продолжаешь ковыряться дальше. А здесь красота!

Окопы неглубокие, торчишь над ними, обдуваемый ветерком, и эдак легонько щеточкой стираешь глину с подозрительного комка, гадая, что под ней окажется, черепушка или просто каска...

Артема от этого фамильярного «черепушка» невольно передернуло. Неужто этот белобрысый улыбчивый паренек не понимает, что когда-то в этой черепушке был живой мозг? О чем-то думал, что-то помнил, чего-то желал... А ведь когда-нибудь и от него, Сережки, останется такая черепушка... Да и от Артема Евсюкова — тоже... Правда, поразмыслив, он понял, что такие уничижительные словечки, то и дело мелькающие в речи поисковиков, это своего рода защитная реакция на обыденность зрелища насильственной смерти, которая точно в такой же летний день, семьдесят с лишним лет назад, настигла таких же, как они сами, молодых парней и девчонок.

Впрочем, рассуждения Артема были абстрактными. Сам он пока не видел не то что черепа, а и самой маленькой косточки. Найденные до приезда «журавликов» человеческие останки поисковики держали в отдельной палатке, и Марк распорядился не показывать их новичкам. Пусть сначала пообвыкнутся. Даже распределив их на раскоп, командир намеренно

выбрал те его участки, где не должны были обнаружиться погибшие солдаты. Сережка Минский был прав — эти раскопки не походили на предыдущие. Судя по документам, найденным в городских и областных архивах, останки красноармейцев, павших в неравном бою на окраинах города в августе тысяча девятьсот сорок первого года, были найдены и с почестями захоронены еще в восьмидесятые.

Имена бойцов указаны на обелиске, возведенном в сквере перед бывшим горисполкомом, а ныне — мэрией Старопогостья. И все бы хорошо, да вот только количество высеченных на памятнике имен не совпадало с численным составом роты. Правда, из ста семидесяти восьми человек семеро в том бою уцелело, четверо из них погибло после, в других сражениях, коих во время Великой Отечественной отгремело великое множество. Вернулись с победой трое. Самый младший из бойцов, Игнат Васильевич Сидоркин, был жив до сих пор. Более того, он проживал здесь, в Старопогостье. Ветеран подтвердил догадки поисковиков — найдены и перезахоронены были далеко не все красноармейцы, сложившие голову на высоком берегу реки Гостки.

Сам бывший помощник пулеметчика немного помнил о том сражении. И не потому что ветерану было уже за девяносто — для своего возраста он отличался хорошей памятью и завидным здоровьем. И не потому, что вчерашний школьник, очутившийся в самой гуще боя, под снарядами и бомбами, мало что мог видеть, кроме надвигающейся на окоп пятнистой бронированной махины, которая одним выстрелом могла уничтожить и куда более прочную конструкцию, нежели хрупкое человеческое тело. Все проще. Юного красноармейца Игнашу Сидоркина ранили в начале боя, и санитары перенесли его к ближайшему дому, где медсестры перевязывали раненых, а потом и вовсе отправили в городскую больницу, превращенную в

госпиталь. Все его товарищи по пулеметному взводу погибли в бою, но были найдены и с честью перезахоронены еще в советское время. О судьбе остальных он ничего не знал.

И все-таки ветеран помогал поисковикам как мог. Он вообще живо интересовался историей родного края, собрал небольшой частный музей и мечтал подарить свою коллекцию будущему краеведческому музею Старопогостя, если когда-нибудь городские власти сподобятся выделить средства на его создание. С помощью Игната Васильевича Марку удалось составить схему укреплений рубежа обороны, уточнить,

где находился командирский блиндаж и пулеметные точки. Правда, Антонов подозревал, что этот бодрый старикан все-таки не в своем уме. Например, ветеран утверждал, что помимо положенных стрелковой роте по штату пулеметов и минометов, в ее составе были два расчета противотанковых ружей, которые были сняты с вооружения РККА в тысяча девятьсот сороковом году и вновь возвращены лишь в декабре сорок первого.

Переубеждать Игната Васильевича Марк не стал, решил, что если впрямь каким-то чудом два расчета ПТР оказались в распоряжении командира роты капитана Колужного, то на месте раскопок обязательно обнаружатся хотя бы стреляные гильзы патронов соответствующего калибра. А если очень повезет — то и сами противотанковые ружья. При всем своем недоверии к словам старика, командир поискового отряда в глубине души надеялся на это. Эта история с ПТР была не единственной странностью легендарного сражения. Пожалуй, самой главной из них стала причина, по которой немецкое командование решило направить к Старопогостю танковый батальон в сопровождении автоматчиков и даже сочло нужным поддержать его с воздуха.

Никакого военного значения этот старинный городок, занимавший на редкость невыгодное стратегическое положение, не имел, и его вполне можно было оставить в тылу. Что собственно и произошло, когда танковая атака была отбита, хотя и ценой гибели целой роты. Уцелевшие машины были возвращены в распоряжение танковой дивизии, и немцы повторно вошли в городок спустя лишь несколько месяцев, когда потерпели сокрушительное поражение под Москвой, оставили Калинин и откатились дальше, к северу. Еще одной странностью стало то, что оккупанты проявили неожиданный интерес к древней истории Старопогостя. У жителей изымались любые мало мальски старинные артефакты прошлого, чаще всего не имевшие ни исторической, ни художественной ценности.

Впрочем, к задачам, которые стояли перед поисковым отрядом, интерес немецких нацистов к старопогостской старине прямого отношения не имел. У поисковиков хватало своих проблем. И одной из них стал приезд «журавликов». Нет, подопечные Марго вели себя тихо. Она не солгала Марку, когда утверждала, что пациенты «Белых журавлей» люди вполне осознанные и мотивированные. Мотивировали их собственные предки, которым не улыбалось, что отпрыски,

призванные унаследовать родительские капиталы, на глазах превращаются в алкоголиков и наркоманов. Каждая семья нашла собственные аргументы, которые заставили падших ангелочков осознать всю глубину своего падения, но все они сводились к тому, что продолжи ангелочки прежние развлечения, источники финансирования будут наглухо перекрыты.

Другое дело, что при всей осознанности и мотивированности, «журавлики» требовали к себе пристального внимания. Марку пришлось приставить к каждому из них напарника из числа бойцов своего отряда. Парням приходилось быть при новичках и няньками, и наставниками. Прежде всего нужно было следить, чтобы подопечные не наделали глупостей — все-таки при раскопках порой обнаруживаются неразорвавшиеся боеприпасы. Кроме того, «журавликов» приходилось учить элементарным навыкам обращения с самым примитивным шанцевым инструментом — никто из них в жизни не поднимал ничего тяжелее айфона. Девушек вообще было решено отстранить от раскопок, им хватало работы по хозяйству. Вся эта «детсадовская»

возня тормозила работу, но Антонов мирился с этим, ведь «Белые журавли» оплачивали все веселье.

Напарником-наставником Артема стал Сережка Минский — разговорчивый и простоватый парень, который был одним из самых опытных поисковиков в отряде, выезжал на раскопки уже пятый раз. Артема он подкупил тем, что не корчил из себя ветерана, не раздражался, когда воспитанник совершал ошибки, охотно брал на себя самую грязную часть работы. А еще он здорово рассказывал о том, что, с его точки зрения, произошло в этом месте почти восемьдесят лет назад. Даже увидев обвалившийся, заросший травой бруствер, разложенные на брезенте ржавые обрывки пулеметной ленты, поврежденный и поэтому кривой, словно кочерга, ствол «мосинки», пробитые осколками солдатские каски, Артем ничего особенного не почувствовал, будто оказался не на месте сражения, а в музее.

Рассказы Сережки словно вернули всем этим ветхим свидетельствам былого подвига полнокровность живой реальности. И не потому что у парня был какой-то особенный актерский дар или плавная, литературно безупречная речь. Как раз наоборот. Минский выражался на редкость косноязычно, подкрепляя свои слова обильной жестикуляцией. Может быть, дело в том, что сам белобрысый рассказчик остро переживал собы-

тия почти вековой давности, как будто принимал в них участие? Сережка словно уже сидел в этом окопе и прицельно выбивал немецких автоматчиков, которые шли в атаку под прикрытием танков. Минский даже показывал — как. И странным образом, в его руках восхищенному слушателю мерещился хищный силуэт легендарной винтовки или автомата ППШ.

Артем мог бы поклясться, что слышит гул танковых моторов, вой пикирующих бомбардировщиков, охрипший голос взводного и хлесткие выстрелы «мосинки»... Вот взметнулась земля на месте разрыва, словно в одно мгновение выросло черное дерево. Он инстинктивно присел. Комья глины пробарабанили по каске, и что-то тяжело чиркнуло по дурацкому гробешку на макушке. Осколок? Отделенный весело зыркнул голубыми глазами, которые, казалось, ярко светились на сером от пота и пыли лице. «Ну что, рядовой необученный, сдрейфил?! — прокричал он. — Не дрейфь! Прорвемся!..» Артем обалдело покрутил головой и высунулся из-за бруствера. Дым отнесло в сторону, будто кто-то отдернул черную занавеску... И в этот момент что-то горячее и острое вонзилось ему прямо в лицо.

— Эй, Темка! — испуганно окликнул его Сережка. — Тебе что, поплохело?

Ощупав лицо, Артем убедился, что все цело. Осторожно осмотрелся. Никаких бомб и разрывов. Все тот же раскоп. Над головой голубое, почти безоблачное небо. Артем с облегчением выдохнул, но в следующее мгновение почувствовал, как темная волна ужаса накрывает его. Они опять начались, эти проклятые глюки! Это из-за них он угодил в «Журавлики». Да, он, конечно, сам виноват, баловство дурью до добра не доводит, но все же... И ведь не чертики ему мерещатся, не шмыгающие собаки и разноцветные слоники, нет, он будто проваливается в какие-то мрачные миры, где люди кромсают друг друга клинками, обращаются друг к другу на непонятных языках и не говорят даже, а изрыгают проклятия, и все это на фоне пылающих дворцов или в темной чашобе... Правда, вот такого, как сейчас, с ним еще не было... А все Сережка с его рассказами, будь он неладен...

— Ты это... завязывай со своими байками, — пробормотал Артем. — Давай лучше повкалываем...

Минский обиженно засопел, но промолчал. Принялся яростно срезать штыком саперной лопатки дерн. Артем пожал плечами и тоже продолжил работу. Его задачей было тыкать шупом в разрыхленный грунт. Стальной прут с легко-

стью входил в мягкую землю, не встречая серьезного сопротивления. Не работа, а детская забава, наподобие игры в ножички, которой его научили деревенские ребята, когда он проводил летние каникулы на даче у бабушки. Артем и сам не заметил, как увлекся, выдергивая и вонзая шуп под разными углами. Сережка искоса поглядывал на него, но молчал, дескать,

пусть развлекается мажор, если ему неинтересно, как здесь дрались в сорок первом настоящие мужики. Мажор косых взглядов напарника не замечал, тем более что щуп его вдруг стукнул обо что-то твердое.

— Кажется, там что-то есть... — почти шепотом произнес он.

Минский мигом забыл о своей обиде, оттер новичка в сторону и принялся ладонями отгребать землю. Артем, затаив дыхание, выглядывал у него из-за плеча. Он и сам не подозревал, что ему, оказывается, небезразлично, что там вдруг обнаружится: камень, солдатская каска или осколок снаряда? И чего этот балабол копается, а? Тоже мне, археолог нашелся... Он что, думает, там античная амфора зарыта? Сережка тем временем никуда не спешил, он понимал, что осторожность в поисковой работе лишней не бывает. Лучше перебдеть, чем недобдеть! Кроме того,

он хотел проучить мажора, по себе зная, какой азарт просыпается, когда натыкаешься на находку в первый раз. Сам Минский определил бы по звуку, на что именно наткнулся щуп, но от новичка этого ждать пока не приходилось.

— Ну ты и везунчик, Тема! — искренне воскликнул Сережка, извлекая из комка слипшейся глины темный продолговатый предмет.

— Это что? — спросил Артем. — Пуля? — Нет, дружище, не пуля... Это кое-что получше... Это смертный медальон...

— Какой-какой медальон? — Смертный, — повторил Минский. — Это капсула такая, куда закладывалась бумажечка с краткими сведениями о бойце... Ну, имя там... Фамилия... Год рождения... Звание...

— Ты хочешь сказать, что вот в этой хреновине есть такая бумажка?

— Может есть, а может нет... Была, да сгнила... Если вода внутрь попала...

Артем нетерпеливо потянулся к находке. — Так давай откроем! Сережка поспешно отвел руку. — Не, не так быстро... Испортить можем... Давай отнесем Марку. Он откроет по всем правилам...

Артему не понравилось, что его находку будет открывать Антонов, который может потом присвоить ее себе, но спорить не стал. В конце концов им здесь виднее, что и как делать. Он, Артем Евсюков, поковыряется неделю-другую и отбудет восwoяси. А они пусть и дальше играют в свои игры. У них все равно ничего более интересного в жизни не произойдет. Так и будут до пенсии ковыряться в грязи, извлекая из нее разный военный хлам, который никогда не возьмут ни в Лувр, ни в Эрмитаж, в лучшем случае — в какой-нибудь провинциальный музейчик, где положат между лаптями и сохой. Так что не велика честь... Этим привычным мысленным брюзжанием Артем старался заглушить растущее в душе ликование оттого, что впервые в жизни сделал что-то полезное... И не для себя...

— Знаешь что, Тема! — решительно произнес Сережка. — Отнеси-ка ты свою находку командиру сам... Только не открывай, пожалуйста.

Сглотив комок, внезапно образовавшийся в горле, Артем дрогнувшей рукой взял у наставника черный цилиндрок, чем-то напоминающий школьный пенал для карандашей и ручек, только миниатюрный. Смертный медальон был холодным на ощупь и шершавым от присохшей глины. Попадись ему такая штукавина на улице, он бы

просто пнул ее и пошел дальше. А извлеченная из окопа, она обретала совсем иное положение в иерархии вещей. Артему показалось, что он чувствует, как от «пенала» исходит темная энергия, от которой немеет кожа на подушечках пальцев. Хотелось поскорее избавиться от медальона, и уж точно пропало желание его открывать. Пусть этим занимается Антонов, на то он и командир... Выбравшись из раскопа, Артем едва ли не бегом бросился к командирской палатке, возле которой отрядовские девчонки очищали самые интересные находки.

— Ну, что у тебя? — скучным будничным голосом поинтересовался Марк.

Артем протянул ему «пенал». — Медальон, — без всякого удивления сказал командир. — Сам нашел?

— Щупом наткнулся, — уточнил Артем. — А Сережка расчистил.

— Ну что ж, молодцы... С боевым крещением, Евсюков!

— Служу трудовому народу, — криво усмехнувшись, отозвался тот.

— Зря иронизируешь, — с укором произнес Марк. — Парни, которые до сих пор лежат вон там, на горюшке, такими словами не бросались...

— Я знаю, — буркнул Артем. — Разрешите идти?

— Идите... Вечером вскроем медальон. Может, узнаем имя твоего крестника...

Артем кивнул и вернулся к раскопу. Сережка встретил его радостной улыбкой, торопливо подзывая рукой.

— Слушай, — заговорил он, когда напарник приблизился. — Я тут копнул дальше, знаешь, кажется есть...

— Что — есть? Минский замялся. — У тебя с этими... нервами все в порядке?.. Артем невесело усмехнулся. — Нет, я псих... — Да я не про это... — досадливо отмахнулся наставник. — Мертвых не боишься?

— Я не барышня... — Да я понимаю... В общем... короче... кажется, он тут...

— Кто? — Красноармеец... Ну, чей медальон... Артем гулко сглотнул. — Понятно... — Давай так... — чуть поколебавшись, проговорил Сережка. — Я буду грунт наверх кидать, а ты просеивай... Ну, чтобы мелочевку не упустить... Пряжки там, пуговицы...

— Хорошо, — согласился его подопечный, который и сам себе не хотел признаться, что ему страшно.

Минский кивнул, схватил лопатку и начал осторожно углублять раскоп, выбрасывая выбранный грунт за край бруствера. Артем опустил на корточки и принялся пальцами перебирать рыхлую глину. Каждый подозрительный кусочек он выкладывал на личную плащ-палатку своего наставника, не очищая, чтобы не терять времени. Так они проработали до вечера. Наконец, когда солнце скрылось за лесом на левом берегу Гостки, Сережка выбрался из раскопа. Вид у него был опечаленный. Артем, который уже знал, что его наставник принимает судьбы погибших солдат близко к сердцу, не стал ни о чем спрашивать. В раскоп он тоже не заглянул. Успеется. Да и както страшно в сгущающихся сумерках всматриваться в останки убитого.

Осмотрев обнаруженные напарником «артефакты», Минский быстро отобрал то, что по его мнению могло представлять интерес, и сложил отдельной кучкой в сторонке. Остальное решительно выбросил. Очищенную таким образом плащ-палатку он поднял и накрыл ею раскоп.

Над лагерем уже струился ароматный дымок — девчонки готовили ужин. Поисковики сводного отряда группками спускались к реке — умыться. А некоторые смельчаки раздевались и с размаху бросались в темную, медленно текущую воду. Их веселые возгласы далеко разносились в вечернем воздухе. Артем тоже решил спуститься к узкой полосе песчаного пляжа, чтобы умыться. Исккупаться он бы не рискнул, с детства боялся холодной воды.

У самой кромки берега было темнее, чем на косогоре. Река казалась бездонной пропастью, разделившей мир на две половины. С левой стороны высился темный еловый бор, а с правой — крутой обрыв. Выше — бледная извилистая полоса неба, которое здесь, в это время года, не темнеет по ночам. Удивительно, но те самые белые ночи, которые так привлекают туристов к Санкт-Петербургу, Стокгольму и другим городам Северной Европы, принося им немалый доход, в захолустном Старопогосте оказались на положении сокровища, брошенного под ноги слепцам. Правда, кроме этого призрачного белесого света, который здесь тлел по ночам почти два летних месяца, десятивековой город почти ничего не мог предложить туристам.

Голоса на реке стихли. Умывающиеся и купающиеся поспешили вернуться в лагерь. Все чертовски проголодались. Артема это устраивало. Хотелось побыть одному. Как зачарованный стоял он у воды, чуть подсвеченной бледным сиянием белой ночи. Ему вспомнились слова песни, которую вчера у костра пела Марго.

Ты уже никогда не вернешься,
И не стукнешь в родное оконце,
С белой ночью навеки сольешься,
В час, когда не восходит солнце...

Вот уж воистину — в час, когда не восходит солнце... Артем поежился. С реки отчетливо потянуло холодом, и творожистыми сгустками начал уплотняться туман. Артем наскоро умылся и двинулся было по тропинке наверх, но увидел неясную, словно сотканную из тумана фигуру, которая переходила реку вброд. Наверное, кто-то из купальщиков добрался до противоположного берега и теперь возвращался.

Артем решил его подождать. Сам не зная почему. «Купальщик» двигался как-то странно, совершенно бесшумно, без всплесков и брызг рассекая воду. Фигура приблизилась. Артем всмотрелся в ее лицо и ему стало жутко. Впору

было пуститься наутек, но он не мог сдвинуться с места. Собственно, лица у фигуры не было, только голый череп с зияющими провалами глазниц. Неприятного вида лохмотья обволакивали выпирающие ребра, а между ними сквозила пустота. «Достукался, — с тоскливым ужасом подумал Артем. — Уже мертвецы стали мерещиться...» И словно в насмешку голые кости стремительно облеклись плотью, а лохмотья срослись в плотную ткань черного комбинезона с поблескивающим металлическим крестом на груди.

— *Es gibt keine Furt im Feuer!*³ — хриловатым голосом прошелестел призрак по-немецки и вдруг вспыхнул оранжево-черным пламенем.

3 В огне бродя нет (нем.)

Глава третья

— Взгляните на карту, Альберт, — сказал командир полка. — Вам предстоит подойти к городу с севера. Стремительно преодолеть вот эту реку и занять Старопогостье до подхода основных сил. На всю операцию вам отводится пять часов. Из них три на марш-бросок и два — на захват города. Задача ясна?

Майор фон Кох отчетливо, хотя и неохотно, щелкнул каблуками.

— Так точно, господин полковник! Командир полка панцерваффе Шеер понизил голос почти до шепота.

— Учтите, в этой операции заинтересованы в самом Берлине... — доверительно сообщил он и уже громким голосом осведомился: — Вопросы есть, майор?

— С какими силами противника мне предстоит иметь дело?

Полковник только отмахнулся. — Судя по данным разведки, весьма незначительными, — пренебрежительно поговорил он. — Что-то около стрелковой роты... И в основном это необстрелянные новобранцы. Вам будут переданы два взвода автоматчиков. Кроме того, люфтваффе поддержит вас с воздуха... Иными словами, вы, Альберт, пройдете сквозь оборону большевиков, как нож сквозь масло...

— Что означает название этого города... Старо-погостье?

— Вы не поверите, майор. Это слово означает «alter Friedhof»⁴...

Фон Кох печально усмехнулся — веселенькое название, ничего не скажешь, но вслух сказал другое:

— Я бы хотел поговорить с командиром разведчиков, полковник.

— О, разумеется, Альберт! — благодушно откликнулся Шеер. — Пройдите в комнату семнадцать. Мой адъютант пригласит обер-лейтенанта Викерса.

После беседы с командиром разведвзвода настроение майора Альберта фон Коха, и без того

4 Старое кладбище (нем). Полковник Шеер ошибается. Слово «погост» в первоначальном значении — место торговли, рынок. Гостями на Руси называли купцов.

паршивое, только ухудшилось. Ему чертовски не нравилось это задание, от которого за километр разило глупостью и авантюрой. Он, командир танкового батальона, должен был возглавить некую сводную штурмовую группу в составе взвода легких и средних танков, двух взводов мотопехоты и вспомогательных подразделений. И вся эта мешанина, в отрыве от основных подразделений полка, должна прорваться к затерянному в здешних лесах и болотах городку и занять его без всякой рационально объяснимой цели. При этом полковник уверяет, что противник имеет там лишь наспех сформированную стрелковую роту. Так ли это? Не скрывается ли там, где-нибудь в лесочке, парочка большевистских КВ, а на подступах к переправе — артиллерийская батарея?.. Ах да, еще Шеер обещает поддержку с воздуха... Не слишком ли щедро для борьбы с русской пехотой?!

Еще меньше фон Коху понравился доклад Викерса. Выяснилось, что штурмовать город можно, лишь подойдя к нему по единственному шоссе, которое связывает его с остальной Россией. По обе стороны от него — непроходимые для тяжелой техники болота. Но и этого мало! Путь к городу лежит через реку Гостку, которую можно форсировать лишь по единственному

мосту. Что помешает большевикам его взорвать, как только на шоссе появится первый немецкий танк? Да и где гарантия, что этот мост, даже если он уцелеет, выдержит вес боевых машин? Кстати, по словам обер-лейтенанта, берег, на котором окопались русские, высокий и обрывистый. Говоря без обиняков — это классическая западня. И соваться в нее, заранее обрекая операцию на провал, означает совершить воинское преступление, если не хуже.

«Впрочем, — сказал себе майор, — вся эта война — преступление. И не воинское, а государственное... Блиц-криг провалился еще в первые недели кампании. И это ясно любому мыслящему офицеру, который знает о бешеном сопротивлении русских не понаслышке...»

Правда, эти мысли барон фон Кох держал при себе. Не хотелось попасть в лапы мясников из гестапо. С самого начала вторжения вермахта в Россию майор решил, что будет неукоснительно выполнять свой долг, по возможности не проявляя излишнего рвения. Он лишь хотел дожить до конца войны, кто бы ни победил в ней, не пятная себя лишней кровью. Ведь рано или поздно наступит мир. Фронтовые подвиги забудутся и придется остаться наедине со своей совестью. А в роду фон Кохов чистую совесть блюли наравне с родо

вой честью. Стоило ли поступаться и тем и другим ради бредовых фантазий вчерашнего ефрейтора, который вскарабкался на вершину власти путем обмана и предательства? Разумеется нет...

С такими мыслями встретил командир батальона, а ныне — сводной штурмовой группы, холодный в этих краях поздним летом рассвет. Выспаться толком ему не удалось, спешная подготовка к рейду оставила на сон только три часа. И когда адъютант разбудил его, фон Коху показалось, что он только-только коснулся головой подушки. Наскоро позавтракав, он вышел на крыльцо деревенского дома, в котором квартировал вот уже вторую неделю. В оккупированной деревне стояла необычная тишина. Молчали собаки. Не приветствовали рассвет петухи. Собак панцергренадеры перестреляли, когда занимали центральную усадьбу ныне упраздненного колхоза. Петухи угодили в котлы полевой кухни. И майору фон Коху эта тишина показалась зловещей.

Просигналил клаксон. Фон Кох спустился с крыльца и в сопровождении адъютанта направился к легкому вездеходу, который фыркал выхлопными газами на неширокой деревенской улице. Прежде чем сесть в кабину, майор оглянулся на дом, в котором жил. Его не оставляло ощущение, что сюда он уже не вернется. Уместившись

на переднем сидении, фон Кох кивнул водителю. Вездеход плавно, почти не поднимая пыли, покатил вдоль молчаливых настороженных домов. Впрочем, на площади перед бывшим правлением колхоза, над зданием которого лениво колыхался в почти полном безветрии нацистский флаг, было шумно и почти весело. Ревели моторы, покуривали, перебрасываясь шутками, солдаты. Но едва показался командирский вездеход, как прозвучала команда на построение. Окурки полетели в сырую от росы траву, шутки смолкли, танкисты и пехотинцы выстроились вдоль своих машин.

Командир танкового взвода, который теперь стал заместителем майора, подбежал к нему, вытянулся в струнку и доложил о готовности сводной штурмовой группы к выступлению. Фон Кох скомандовал «вольно». Затем он прошелся вдоль строя, молча вглядываясь в лица подчиненных. Лица были разными, но одинаково беззаботными. Два месяца пребывания на восточном фронте еще не научили этих рыжих парней бояться смерти. Может быть потому, что они пока еще не сталкивались с по-настоящему ожесточенным сопротивлением «большевистских фанатиков», как именовал противника доктор Геббельс. И к тому же у этих солдат было недостаточно информации об истинном положении

дел. И слава богу! Потому что настоящий арийский воин должен быть счастлив умереть за фюрера и Германию...

Майор махнул рукой — выступаем! — и вернулся к вездеходу. Его машина должна была занять место в середине колонны. Первыми двигались мотоциклы разведовательно-саперного взвода, за ними — бронетранспортер с панцергренадерами. Следом — командирский танк и еще три PzKpfwIII. За танками — вездеход с майором и его адъютантом. За ним грузовик с пехотинцами, грузовик с горючим и машина санвзвода. Замыкали колонну два легких танка и мотоциклы боевого охранения. Все это выглядело весьма внушительно. Особенно с точки зрения испуганного русского крестьянина, который глядел на колонну из-за своего плетня...

Фон Кох усмехнулся черта с два — испуганного! Полевой жандармерии и полициям из местных то и дело приходится искать тех, кто устраивает «избавителям от большевистского ига» разного рода неприятности. Пока еще относительно мелкие, за которые, правда, «избавители» карают расстрелом. А уже ползут зловещие слухи о партизанах, что скапливаются в здешних лесах. О последних лучше не думать, а то начнешь то и дело оглядываться, опасаясь, что из темной еловой

чащи прилетит партизанская пуля. И все же не думать не получалось. Майор уже начал жалеть, что поехал в кабине ничем не защищенного вездехода, а не внутри бронированной туши командирского танка. Однако поздно! Невозможно даже представить, что барон фон Кох остановит колонну на марше, чтобы на глазах подчиненных трусливо спрятаться в танке.

Страхы оказались напрасными. Партизаны либо не знали о рейде на Старопогостье, либо не рискнули вступить в схватку с хорошо вооруженным врагом. Сюрпризы начались на подходе колонны к городу. Шоссе оказалось перегорожено стволами поваленных елей. Причем настолько ловко, что пришлось потратить около часа, прежде чем удалось растащить могучие деревья. А дальше... Дальше стали сбываться самые худшие опасения майора. Нет, артиллерийской батареи на шоссе не оказалось, но от этого было не легче. Первые мотоциклы проскочили свободно, а затем раздался взрыв! Бронетранспортер напоролся на противотанковую мину.

Опять пришлось останавливать колонну. Искать и обезвреживать другие мины. Перевязывать раненых, хоронить убитых. Поврежденный бронетранспортер столкнули в канаву. А дальнейшее движение можно было продолжить, лишь

предварительно обследуя полотно шоссе миноискателями. График движения, а следовательно всего рейда, был непоправимо сорван. Майор панцерваффе Альберт фон Кох понял, что легкой эта операция, какой она представлялась полковнику Шееру, уж точно не будет. Майор доложил положение начальнику, втайне рассчитывая, что тот прикажет возвращаться, но в ответ лишь услышал, что на войне без потерь не бывает, что яростное сопротивление противника способствует укреплению тевтонского духа и прочую чепуху, в духе речей рейхсминистра пропаганды.

Радовало барона только одно — теперь можно было без потерь для репутации занять свое место в командирском танке. Трусом майор не был, но когда вокруг брони, становится легче даже самому безрассудному храбрецу. А когда над колонной прошли три восемьдесят седьмых «юнкерса», которые летели бомбить позиции русских, у командира сводной штурмовой группы затеплилась надежда. Пикирующие бомбардировщики с характерным, вынимающим душу воем вовсю утюжили укрепления противника на правом высоком берегу Гостки, когда колонна, перестроившись в боевой порядок, вышла к мосту. Фон Кох несколько минут разглядывал его в бинокль. Выглядел мост не слишком надеж

но, но выбора не оставалось, и майор приказал форсировать реку.

На ту сторону удалось прорваться двум средним танкам, включая машину самого фон Коха. Майор уже думал, что пронесло, когда позади раздался мощный взрыв. На свой страх и риск выглянув из башни, командир увидел то, что заставило его похолодеть. Медленно подломились деревянные опоры моста, и танк, под командованием его заместителя, гауптмана Шульца, рухнул в реку. Стало ясно, что два прорвавшихся танка теперь отрезаны от основной группы и отступать им некуда. Фон Кох приказал по радиации командирам остальных машин вести обстрел рубежа обороны противника с противоположного берега, саперам искать брод, а пехоте переправляться вплавь. Он еще успел скомандовать своему экипажу, маневрируя, бить по пулеметным гнездам русских, когда звонкий удар заставил танк вздрогнуть, и оранжево-черное пламя вдруг плеснуло ему в лицо...

«Es gibt keine Furt im Feuer... Es gibt keine Furt im Feuer...»

Ночью Артема мучили кошмары — вспыхивающий призрак раз за разом повторяющий одну

и ту же фразу по-немецки. Этот язык Артем знал с детства. Его мама, Анна Генриховна, урожденная Кох, происходила из древнего рода немецких баронов, чья вотчина когда-то располагалась в Западной Белоруссии. Дед Артема, отец Анны Генриховны, решительно порвал со своим дворянским прошлым, добровольно отказался от баронского титула и уже не именовался фон Кох, был преданным членом КПСС и руководителем крупного промышленного предприятия. Распад СССР Генрих Альбертович воспринял очень болезненно и вскоре после этого умер от инфаркта. Кем был его прадед по материнской линии, Артем Евсюков не знал, да и не особенно интересовался.

Проснулся он рано. Холодок сочился в полурасстегнутый входной клапан палатки. Осторожно, чтобы не разбудить соседа, Артем выбрался из спальника и выкарабкался наружу. Белая ночь уступила мир туманному утру. Солнце еще не взошло, и окрестности были словно разделены на две половины. Нижнюю поглотил туман, а верхнюю накрывал серебристо-серый купол безоблачного неба. Казалось, в мироздании не осталось ничего, кроме клубящейся мглы под ногами и ровного немерцающего света, льющегося с вышины. Рафинированный горожанин, Артем никогда не видел такого рассвета и не слышал столь плотной тишины. Ему казалось, что он присутствует при рождении Вселенной и сам словно рожден заново.

Впрочем, это ощущение длилось недолго. Первые лучи восходящего солнца прорвались с востока, жгучими лазерами впились в белые пласты тумана и тот начал отступать к обрыву. Показалась трава, вся в бриллиантовых капельках росы. Артему захотелось прогуляться по ней босиком, что он и сделал, вздрагивая от жгучего прикосновения ледяной влаги. Так, босой, с кроссовками в руках, он дошел до шоссеиной дороги, в которую переходила улица Ленина. Через мост шоссейка пересекала Гостку и терялась среди густых хвойных лесов на левом ее берегу. У дороги Артем обулся и продолжил путь. Сначала он думал, что дойдет только до моста. Потом решил, что неплохо было бы пройти по нему. За мостом Артем обнаружил тропинку, которая начиналась от обочины и, петляя, исчезала в лесной чаще.

В этой тропе, усеянной сухими хвоинками, было что-то необъяснимо притягательное. И Артем решил, что не будет ничего плохого, если он прогуляется еще и по лесу, а чтобы не заблудиться, не станет никуда с этой тропинки сворачивать. В лесу Артем не был с детства, а вот в та

ком, пожалуй, и никогда. В отличие от знакомых ему подмосковных рощ, где на зыбкой торфяной почве густо росли береза, ольха, осина, лещина и прочее мелколесье, в здешних чащах было сумрачно и чисто. Тяжелые лапы могучих елей почти не пропускали солнечного света, и поэтому под ними мало что росло. Артем видел лишь какие-то редкие кустики, усеянные одинокими черными ягодами. Порой попадались и грибы, но из них он узнал только мухоморы, которые нагло алели среди опавшей хвои, будто они и были подлинными владыками этих чащоб.

Тропинка все петляла и петляла, и надо было бы уже повернуть назад, но Артем, как заколдованный, продолжал путь. Внезапно густолесье расступилось, открыв путнику вид на обширную котловину, образующую нечто вроде естественного амфитеатра. Лесные великаны, почти седые от старости, подобно древним богатырям, стерегли котловину со всех сторон. А на уступах амфитеатра серо-зелеными тушами возвышались ледниковые, поросшие лишайниками валуны, которые издали казались притаившимися чудовищами. У Артема захватило дух от необычности этого места, поэтому он не сразу заметил одинокую фигуру бредущего от валуна к валуну человека. Это был пожилой мужчи

на с корзиной и крепкой палкой, которой он то и дело тыкал в траву под ногами.

Больше всего грибник походил на старичкалесовичка из старого фильма, ему не хватало только шляпы-мухомора. Вместо нее на голове его красовалась обыкновенная бейсболка, что несколько разрушало образ, а в остальном старикан так гармонично вписывался в пейзаж, что Артем немедленно вытащил телефон и сделал несколько снимков. Ему захотелось даже выло-

жить их на своих страничках в соцсетях, чего он давно уже не делал. Раньше Артем делился с френдами, в основном, фотками разных безобразий, что творились в ночных клубах столицы. Фотки нравились, и френды охотно ставили лайки и делали перепосты. А вот оценят ли они эту идилическую картинку?..

— Доброе утро! Артем от неожиданности вздрогнул. И как это старик умудрился к нему незаметно подкрасться? Далеко вроде был...

— Доброе утро. — Оказывается, не только я встаю в такую рань, — продолжал незнакомец.

— Да вот, как-то так вышло... — пробормотал Артем, хотя вовсе не обязан был оправдываться.

— Кто рано встает, тому бог подает...

— Не знаю... Наверное... — Во всяком случае — мне, — сказал старик. — И много насобирали? — ядовито осведомился Артем. — На закуску хватит?

— На закуску? — удивился его собеседник. — Ах, нет... Я не грибы собираю...

— А что? Ягоды? — Нет, не ягоды, — после долгой паузы откликнулся незнакомец, пристально всматриваясь в собеседника. — Я ищу следы прошлого...

— Какого еще прошлого? — Разного... Давнего и не очень... Главным образом — давнего... Но его следы найти труднее всего...

— Да разве так ищут эти самые следы? — удивился Артем. — Тут копать надо!

— Я догадался! — радостно воскликнул старикан. — Ты новенький! Из поисковиков!

— Ну, типа того... — Не удивляйся. Я хорошо знаю ваших ребят... Марка, Сережку, Маргошу... А тебя как зовут, молодой человек?

— Артем. — Очень приятно. А меня дедом Игнатом кличут. Я здешний краевед-любитель. Мечтаю в деталях восстановить историю родного края... Слышал обо мне?

— Вы Сидоркин, да? Игнат Васильевич... — Верно... А как твоя фамилия? — Евсюков. — Евсюков, — задумчиво повторил дед Игнат. — Что ж... Может быть, и Евсюков...

— Что значит «может быть»? — разозлился Артем. — Вам что, паспорт предъявить?

— Ну зачем мне твой паспорт, — отмахнулся искатель следов прошлого. — Мне достаточно твоей физиономии...

Артем набрал воздуха, чтобы послать болтливого старикана куда подальше, а потом решил, что не стоит он того. Что с него взять, с маразматика! Ну, заговаривается, старый пень, бывает...

— Ладно, не злись, парень, — сказал Сидоркин. — Потом все поймешь... Давай я тебе лучше расскажу об этом месте...

И он обвел рукой котловину. Артем пожал плечами. Старик был, конечно, с придурью, но все-таки ветеран, надо уважить. Видя, что собеседник не возражает, Игнат Васильевич опустился на ближайший валун, поставил у ног корзинку и, обхватив узловатыми пальцами свой посох, заговорил:

— Издревле это живописное место именовалось Перуновым урочищем. С древнейших времен и примерно до девятого века нашей эры

здесь были языческие капища, не исключено, что одно из них было посвящено Перуну — славянскому божеству грома. Вероятнее всего, один из этих вот валунов использовался для жертвоприношений. В том числе — и человеческих... По слухам, волхвы, поклонявшиеся Перуну, стерегли здесь клад — горшок с золотыми римскими ауреусами, отчеканенными в храме Юпитера. Говорят, их была ровно тысяча, что составляло сто тысяч серебряных сестерциев — совершенно невообразимая по тем временам сумма. Я не знаю, каким образом это золото очутилось в наших краях, вероятнее всего, из Римской империи его вывезли варвары после очередного набега. Надо думать, за ним тянулся длинный кровавый след через всю Европу. И каждый очередной владелец клада умирал ранней и мучительной смертью. Как бы

там ни было, но легенда гласит, что со временем золото достигло Скандинавии и уже оттуда было вывезено в земли славян. Забрал клад варяжский жрец, служитель Тора. Он стал очередной его жертвой и, по преданию, вместе с ним был захоронен под корнями посвященного Перуну дуба. Чтобы прервать его кровавый путь, славянские волхвы стали охранять клад, но и они пали жертвами наложенного на золото проклятия. В девятом веке местный князек, ко-

торый для вида принял христианство, под предлогом борьбы с язычеством уничтожил капище и его волхвов. До клада князь не добрался. Был убит родным братом. Это исторический факт, изложенный в летописях... И до поры до времени о золоте забыли... Уже во времена Ивана Грозного на месте бывшего капища поселился православный монах-затворник. Жил старец тихо, дни и ночи проводил в молитве, постился. К его несчастью, о кладе прослышал русский царь и во время своего похода на Новгород посетил отшельника. Сначала Иван Васильевич пытался уговорить старца отдать ему золото добровольно, но тот уверял, что ничего о нем не знает. Тогда царь велел опричникам пытать монаха. Верные псы царя распяли отшельника на Перуновом дубе вниз головой, однако ничего от него не добились. Монах преставился. Опричники перерыли все вокруг и... ничего не нашли. Вот после гибели отшельника местные жители и стали встречать в окрестностях призраков, потому и сторонились проклятого места. И как-то так сложилось, что Перуново урочище словно притягивало к себе события, связанные с кровью. Здесь было сражение со шведами, во время Северной войны начала восемнадцатого века, а в тысяча восемьсот двенадцатом году про-

изошла стычка с арьергардом наполеоновской армии. Во время Гражданской красные расстреливали в окрестностях урочища контрреволюционеров, а интервенты — топили в реке Гостке красных. А уж в Великую Отечественную наша стрелковая рота преградила в урочище путь батальону панцерваффе... Впрочем, об этом я тебе расскажу позже... Приходи вечером в гости. Маргоша знает, где я живу, она подскажет.

Глава четвертая

ВЕЧЕРОМ того же дня Артем стоял на невзрачной лестничной площадке с коробкой торта в руках. «Старик обожает сладкое», — по секрету сообщила ему Марго, когда он спросил у нее адрес Сидоркина. Артем это учел и потому сейчас смело нажал на продавленную кнопку звонка. Обитая коричневым растрескавшимся кожаном дверь распахнулась почти сразу, и на пороге появился «старичок-лесовичок», только на этот раз он был одет в линялую оранжевую футболку и синие, пузырящиеся на коленях джинсы. В полутьме подъезда морщинистое лицо его, словно подсвеченное ярко-голубыми глазами, казалось почти черным на фоне блескучей, как снег в морозное утро, седины. Хозяин квартиры окинул гостя цепким, лишенным старческой рассеянности взглядом, и проговорил:

— А-а, это ты, Артем свет Сергеевич! Милости просим.

— Он самый, — отозвался гость, вручая хозяину торт и даже не слишком удивившись, что Сидоркин знает его отчество.

— О, хорошо что захватил! — обрадовался старик. — А то мне и угостить-то тебя нечем, молодой человек... Проходи!

Он посторонился, пропуская гостя в прихожую. Артем вошел и принялся озираясь, сам не зная, что ожидает увидеть. Ничего интересного в этой полутемной прихожей не было. Вешалка, на которой висел серый стариковский плащ, да тумбочка для обуви. Справа, сквозь открытую дверь, виднелась комната, залитая тусклым закатным светом. Слева — вторая дверь, только запертая. Прямо по коридору были еще двери, видимо, ведущие в туалет и ванную. В общем, обыкновенная квартира в обыкновенной панельной пятиэтажке. Ничего особенного. Артему казалось, что «старичок-лесовичок» должен жить в избушке на курьих ножках, ну или на худой конец — в старинном особняке.

— Вот сюда! — сказал Игнат Васильевич, показав на открытую дверь. — Располагайся... Я сейчас...

В комнате тоже не было ничего интересного. Разве что разная полированная рухлядь, которая когда-то была предметом вожделения каждого уважающего себя горожанина, а теперь ей было самое место в музее советского быта. Артем как-то от скуки забрел в такой и его поразила убогость всех этих торшеров, люстр, радиоприемников, диванов, книжных шкафов. Вот таких, как этот, с запylенными стеклами, за которыми отблескивают вытертой позолотой корешки толстенных книг. Эти рассыпающиеся на отдельные страницы «хранилища мудрости» навевали на гостя такую скуку, что он сразу принялся рассматривать большой фото-портрет миловидной молодой женщины, что висел в простенке между шкафом и ископаемым цветным телевизором.

Хозяин шумно вздохнул у гостя над ухом. — Моя Машенька... — горестно проговорил он. — Умерла в две тысячи шестом от сердечного приступа... С тех пор вот живу бобылем...

Артем сочувственно промолчал. А что тут скажешь?

— Пойдем на кухню, — предложил Сидоркин. — Знаешь, советские интеллигенты все разговоры вели на кухнях... О чем бы ни зашел разговор: о запчастях к «москвичу», о множественности обитаемых миров...

Гость с понимающим видом кивнул и уселся на предложенную табуретку, спиной к стене, и принялся наблюдать за хлопотами хозяина, вознамерившегося угостить его чаем. Крохотный столик был накрыт быстро и умело. Помимо принесенного Артемом «Ленинградского», старик выставил розетку с вишневым вареньем и конфетницу с конфетами «Кара-Кум». Закипела вода в чайнике. Аромат свежесваренного чайного листа наполнил тесную кухню «хрущевки». Было в этом что-то невыразимо уютное, словно гость и впрямь перенесся в советское время, в самый разгар кухонных посиделок интеллигенции. Правда, для антуража хозяин должен был

угощать гостя не чаем с тортом, а дешевым портвейном... Как это он там назывался? «Три шестерки»?..5

Прихлебывая чай и поедая торт, Игнат Васильевич с Артемом долго говорили о разных пустяках: о футболе, погоде, политике. Выяснили, что оба болеют за «Манчестер Юнайтед». Погода на редкость хорошая для нынешнего лета. А что касается политики... Здесь у хозяина и его гостя мало оказалось общего, и поэтому они по обоюдному молчаливому уговору сменили тему. Заговорили о раскопках. Старик нахваливал

5 Имеется в виду портвейн 777, который в народе прозвали «Три семерки» или «Топорики»

Марка и его ребят, а собеседник лишь безразлично пожимал плечами. Он оживился лишь при упоминании Марго. Оказалось, что родом она из Старопогостья. Училась в Московском Государственном Университете на филологическом факультете, знала несколько языков, как современных, так и вымерших. Все у нее было хорошо, да случилась беда... Артем хорошо представлял — какая, но думать об этом, а тем более говорить, ему не хотелось. Он прикидывал, как бы напомнить говорливому старику о цели своего визита. За пустяшными разговорами прошел час. Чай остыл, торт был наполовину съеден. Наконец, Сидоркин решительно поднялся.

— Пойдем в комнату, Артем, там нам будет удобнее, — предложил он. — Рассказ мой будет долгим, так что наберись терпения.

Они вернулись в комнату, где улыбалась с портрета вечно юная Машенька. Старик предложил Артему единственное кресло, а сам опустился на диван, такой же древний, как и прочая мебель в квартире. Некоторое время они молчали. Игнат Васильевич хмурился собственным мыслям. Артем, от нечего делать, разглядывал потрепанные книжные корешки. Только сейчас он понял, что все это — энциклопедии. Некоторые совсем старые — каких-то Брокгауза и Эфрона, чьи име

на были вытеснены дореволюционными буквами. Наконец, Сидоркин крепко потер широкими ладонями колени и заговорил:

— Эту историю я мало кому рассказывал, Артем... Если быть точным, ты будешь третьим, кто ее услышит. Первым был мой фронтовой дружок. Он погиб на переправе через Вислу. Второй была моя Машенька... — старик печально покачал головой. — Так что получается, ты единственный... К тому же, тебе это знать нужнее.

— А почему? — не удержался гость от вопроса. Игнат Васильевич ответил не сразу, словно вопрос был невесть каким трудным.

— Не торопись, — наконец сказал он. — Ты скоро поймешь. Почему я об этом мало кому рассказывал?.. Время было неподходящее для таких откровений. Сначала война... Потом — себе дороже было вспоминать об этом. А когда стало можно... Даже не знаю, почему и тогда я молчал. Вряд ли боялся... После Машенькиной смерти я уже ничего не боюсь. Думаю, скорее всего я ждал твоего появления.

Артем недоверчиво хмыкнул. — С какой это стати? — пробормотал он. — Вы обо мне и знать-то не знали.

— Не знал, — согласился старик. — Но чувствовал, что можешь появиться. Диалектика... Лад

но, прости. Постараюсь рассказывать по порядку. Но сначала я должен тебе кое-что показать.

Сидоркин с кряхтением поднялся и вышел в прихожую. Было слышно, как он звенит ключами. Потом раздался скрип отворяемой двери. Старика не было довольно долго, и Артем уже начал беспокоиться — не случилось ли с ним чего? — наконец снова прошаркали его шаги.

— Вот, взгляни, парень, — сказал старик, протягивая гостю пожелтевший фотоснимок, обугленный по уголкам.

Артем всмотрелся в изображенного на нем человека. Это был высокий мужчина в черной форме, плотно облегающей мускулистую фигуру. На голове его был непонятный шлем, вроде мотоциклетного. На плечах поблескивали узкие витые погоны, а на груди — крестообразный то ли значок, то ли орден. Незнакомец неприятно напоминал ночного призрака, но главное было не в этом, а в том, что лицо его было смутно знакомо Артему Евсюкову, хотя он был уверен, что никогда не видел этой фотографии. Если только где-нибудь мельком, в Интернете.

— Ну и кто это? — осведомился он, возвращая ветерану снимок.

— Не узнал? — не слишком удивился тот. — Впрочем, этого следовало ожидать... Это, Артем,

не кто иной, как твой прадед, Альберт Генрих Иоахим барон фон Кох!

— А-а... — протянул парень. — Что-то не слышу в твоём голосе радости... — огорчился старик.

Артем равнодушно пожал плечами. — Ну-у... Это все давняя история, — нехотя сказал он. — Дед был коммуняка, большая шишка. А кроме партбилета ничего не оставил... А прадед... барон... Мне-то какая с этого прибыль? Вот если бы он мне свой родовой замок завещал с фамильными драгоценностями, тогда другое дело...

Игнат Васильевич нахмурился. — И тем не менее выслушай, коли пришел... — произнес он. — Незадолго до войны мы с родителями жили в маленьком приграничном городке в Западной Белоруссии. Отец был переводчиком с немецкого. С немцами мы тогда дружили. И дружба эта дошла до того, что они решили продемонстрировать нашим военным и инженерам свои военные разработки. В сороковом году, чтобы посмотреть на танки вермахта, далеко ездить не требовалось. Дивизии панцерваффе стояли в нескольких километрах от нашего городка, на территории оккупированной Польши. Мой отец по долгу службы нередко

туда ездил. Бывали у нас и немецкие офицеры... С одним из них отец даже подружился. Думаю, эта дружба и сыграла в его судьбе роковую роль, но об этом позже...

Хорошо помню один летний вечер... Отец пригласил своего друга к нам на ужин. Мы жили в маленьком доме, что стоял посреди пышного сада. Теперь-то я понимаю, что дом этот раньше принадлежал зажиточному поляку, но когда в тридцать девятом году городок заняли части Красной армии, хозяин куда-то сгинул... В лучшем случае, был выслан. В те дни меня такие детали не волновали, мне было семнадцать лет, я закончил школу и готовился в институт. Так вот, был теплый субботний вечер. Шелестела листва каштанов. Кое-где еще шелкали поздние соловьи, но их голоса заглушала «Рио-Рита» — популярнейший в те годы пасадобль, который непрерывно крутили счастливые обладатели патефонов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.